

История поисков «сокровищ Наполеона» на р. Березине.

Своим возникновением термин «сокровища Наполеона» обязан разграблению Москвы войсками Великой армии в ходе Отечественной войны 1812 года. Поскольку древняя столица российского государства была сдана без боя, городские власти не успели полностью эвакуировать те огромные ценности, которые хранились в правительственных учреждениях и православных храмах Московского Кремля¹.

Пока у Наполеона оставалась надежда на заключение мира с российским императором Александром I, он не раз решал грабить Кремль. Более того, гвардейцы отстояли его во время знаменитого московского пожара. Но как только надежды на мир рухнули, Наполеон отдает приказ готовиться к отступлению и изъять из Оружейной Палаты и кремлевских храмов все ценности. Та их часть, которая должна была служить наглядным доказательством покорения Москвы, получила название «московские трофеи». В их число вошли святыни православного христианства, хранившиеся в Успенском и Архангельском храмах, а также историко-культурные реликвии Российской империи из фондов Оружейной палатыⁱⁱ.

К московским трофеям можно отнести также слитки золота и серебра, в которые были переплавлены серебряные сосуды, шитые золотом и серебром одежды священнослужителей и т.д. На стене Успенского собора Кремля, возле которого стояли плавильные горны, осталась сделанная мелом надпись на французском языке «325 пуд серебра и 18 пуд золота»ⁱⁱⁱ.

Кроме московских трофеев, к ценностям и воинским реликвиям Великой армии относится ее казна, знамена, предметы из императорского обоза и личная добыча солдат. Все эти ценности известны под общим названием «сокровища Наполеона». Их судьба является последней и самой интригующей тайной Отечественной войны 1812 года.

Поиски московских трофеев Наполеона и иных ценностей, награбленных его войсками в ходе военной кампании 1812 года, начались сразу же после окончания военных действий и продолжают по сегодняшний день. Среди многочисленных версий их судьбы есть и те, которые имеют отношение к Беларуси. Наиболее известная среди них связана с местом сражения при переправе наполеоновских войск через реку Березину 26-28 ноября 1812 г.

Первые сведения о том, что во время перехода Великой армии через Березину в самой реке, а также в Студенке и в окрестностях Борисова было брошено или зарыто множество сокровищ, появились сразу же после переправы. Уже в начале февраля 1813 г. в Студенку по приказу Александра I направляется военный советник Заворотков. Ему поручалось проверить достоверность сообщения о затоплении в реке французской военной казны.

По приезду в Студенку Заворотков первым делом обследовал переправу. По его свидетельству, верхний мост был сожжен, а нижний сохранился в целости. В течение 3-10 февраля крестьяне вырубали проруби и обследовали дно реки шестами. Ее глубина в районе мостов была небольшая, и песчаное дно просматривалось совершенно отчетливо. На нем и во льду нашли множество трупов, павших лошадей, ружья, сабли, пистолеты, тесаки, штыки и много мелких предметов, в том числе «два небольших кусочка от серебряных образных окладов». Однако ни каких следов повозок с казной обнаружить не удалось^{iv}.

Заворотков начал расспросы местных жителей, надеясь получить от них дополнительную информацию. Ему удалось отыскать в Студенке крестьянина Сазона Копыт-ка, который показал, что, «стоя на берегу, видел, как одна повозка, запряженная тройкой лошадей, была с моста сброшена и когда лошади доплыли до берега, закрутившись, вылезти не могли и тогда с повозкою утонули». На указанном им месте вырубали несколько прорубей, но никаких следов повозки не нашли.

О розыске по личному приказу Александра I французской военной казны вскоре стало известно в окрестных деревнях. 8 февраля 1813 г. на имя Завороткова был подан рапорт дворянина Радевича, чье имение находилось неподалеку от Студенки. Он сообщил, что во время отступления французских войск оказался вместе с ними в Вильно и там узнал от австрийского офицера о затоплении на месте переправы бочонка с серебряными

монетами.

Показания Радевича немедленно проверили, но в указанном им месте со дна реки подняли только кузнечный инструмент. Более детально обследовать дно Березины не удалось. Началась оттепель, лед стал таять и отходить от берега. Дальнейшее проведение работ ставило под угрозу жизнь крестьян, рубивших проруби, поэтому их прекратили. Последующие поиски французской военной казны подробно описаны им в рапорте на имя графа Аракчеева. В нем Заворотков сообщал, что до 24 февраля находился в селе Кричин и занимался обыском имения Радевича и близлежащих деревень с целью выявления «таких повозок и бочонков, какие были под денежною казною». Ему удалось обнаружить в деревне Малая Тростеница передок с колесами от денежной повозки и три бочонка. На их дне отчетливо виднелись выдавленные буквы WS, HS и n, а также римские цифры VIII и XX. На основании этого Заворотков выдвинул предположение, что в бочонке с буквами HS находились голландские монеты: WS - вюртем-бергские, n - наполеондоры (Souverain), или червонцы, римские же цифры могли обозначать тысячи.

Допрошенные крестьяне показали, что бочонки при надлежали их односельчанам, не так давно умершим от тифа. Бочонки были изъяты и переданы на хранение борисовскому исправнику Соколову. Ему же предписывалось установить наблюдение за крестьянами деревни Малая Тростеница, и если они начнут менять иностранные монеты на русские деньги, немедленно сообщить об этом борисовскому городничему Шаталову. Весной 1813 г. окасброшена и когда лошади доплыли до берега, за крутизною вылезти не могли и тогда с повозкою утонули». На указанном им месте вырубил несколько прорубей, но никаких следов повозки не нашли.

О розыске по личному приказу Александра I французской военной казны вскоре стало известно в окрестных деревнях. 8 февраля 1813 г. на имя Завороткова был подан рапорт дворянина Радевича, чье имение находилось неподалеку от Студенки. Он сообщил, что во время отступления французских войск оказался вместе с ними в Вильно и там узнал от австрийского офицера о затоплении на месте переправы бочонка с серебряными монетами.

Показания Радевича немедленно проверили, но в указанном им месте со дна реки подняли только кузнечный инструмент. Более детально обследовать дно Березины не удалось. Началась оттепель, лед стал таять и отходить от берега. Дальнейшее проведение работ ставило под угрозу жизнь крестьян, рубивших проруби, поэтому их прекратили. Последующие поиски французской военной казны подробно описаны им в рапорте на имя графа Аракчеева. В нем Заворотков сообщал, что до 24 февраля находился в селе Кричин и занимался обыском имения Радевича и близлежащих деревень с целью выявления «таких повозок и бочонков, какие были под денежною казною». Ему удалось обнаружить в деревне Малая Тростеница передок с колесами от денежной повозки и три бочонка. На их дне отчетливо виднелись выдавленные буквы WS, HS и n, а также римские цифры VIII и XX. На основании этого Заворотков выдвинул предположение, что в бочонке с буквами HS находились голландские монеты: WS - вюртем-бергские, n - наполеондоры (Souverain), или червонцы, римские же цифры могли обозначать тысячи.

Допрошенные крестьяне показали, что бочонки при надлежали их односельчанам, не так давно умершим от тифа. Бочонки были изъяты и переданы на хранение борисовскому исправнику Соколову. Ему же предписывалось установить наблюдение за крестьянами деревни Малая Тростеница, и если они начнут менять иностранные монеты на русские деньги, немедленно сообщить об этом борисовскому городничему Шаталову. Весной 1813 г. оказалось, что затонувшие на переправе повозки препятствуют судоходству по Березине. По распоряжению ведомства шоссейных и водяных сообщений для расчистки русла была направлена воинская команда, солдаты которой извлекли из затонувших повозок множество сундуков, ранцев и прочих предметов. Посетившему Студенку врачу вюртембергского корпуса Роосу, который попал в плен на Березине, майору, командовавший солдатами, демонстрировал большое количество найденного в сундуках золота, серебра и драгоценностей. Сами же солдаты хвастались Роосу часами, кольцами и другими вещами из золота и серебра^v.

Часть драгоценностей и вещей досталась местным крестьянам, которые продавали их своим помещикам за бесценок. Таким путем владельцу имения Старо-Борисов барону Корсаку удалось собрать богатейшую коллекцию трофейного оружия, орденов и медалей

всех нации, участвовавших в Отечественной войне 1812 года.

Многие крестьяне окрестных деревень щеголяли в воинских мундирах, найденных в брошенных повозках, а то и снятых с погибших солдат. По берегам валялись ки расы, обломки шпага, палашей, ружей, каски, ядра, кар течь, пули. Всему этому железу нашлось применение в крестьянских хозяйствах. Из шпага, палашей и сабель в местных кузницах выковали кухонные ножи, из кирас выходили великолепные сковородки. Особенно ценились у местных жителей ручные мельницы, которые испол зовались французами для изготовления муки крупного помола. Целая партия таких мельниц была специально изготовлена во Франции и попала в армию, когда она от ступала из Смоленска^{vi}. Неудивительно, что крестьяне Студенки и окрестных деревень лет 20 после переправы не покупали железа для хозяйственных нужд, используя то, что осталось на местах боев^{vii}.

Наряду с обломками железа, часто случались и более ценные находки. Известно, что в октябре 1813 г. совершенно случайно в реке нашли два больших куса серебра, которые впоследствии были переданы в Минский кафедральный собор^{viii}. На протяжении многих лет крестьяне постоянно находили в Березине всевозможные предметы.

Так продолжалось до 60-х годов XIX в., пока в одно очень засушливое лето на месте бывшей переправы не село на мель несколько плотов, которые сплавляли в Борисов. Постепенно их занес песок, и они образовали надежный панцирь над остатками наполеоновских мостов и оставав шимися в реке предметами^{ix}. После этого количество на ходок резко сократилось, и о месте переправы стали по степенно забывать.

Когда отношения между Россией и Францией норма лизовались, в Министерство иностранных дел стали посту пать прошения от уцелевших при переправе через Берези ну ветеранов Великой армии с просьбой разрешить поиск спрятанных там драгоценностей. Так, три гражданина Великого герцогства Баденского - 45-летний обойщик из Уль-ма Яков Кенинг в сопровождении двух соотечественников и прикомандированного к ним адъютанта начальника Главного штаба гвардии капитана Фредерикса - выезжа ли на место переправы в Студенку в ноябре 1823 г, Кенинг утверждал, что где-то там он вместе с товарищами зарыл четыре бочки с золотом. Поиски окончились безрезультат но. Пользуясь имеющимся у него планом, Кенинг опреде лил район поисков, но найти сокровища не сумел^x.

Следующая история имела отношение к большому кладу монет, зарытому в ноябре 1812 г. где-то возле Бо рисова. Ее начало положила случайная находка письма дворянином Сочинским на одной из дорог в Киевской гу бернии. Оно было адресовано настоятелем Чернобыльс кого доминиканского монастыря ксендзом Гулицким к настоятелю Киевского католического монастыря Голов не. Из содержания письма стало ясно, что его написал не кий Сенкевич, сообщивший Гулицкому о кладе, зарытом около Борисова. Последний, узнав о кладе, уговорил Сенкевича не рассказывать ничего правительству, а тайно выкопать деньги и передать их на постройку в Киеве до миниканского монастыря и содержание его священнослу жителей^{xi}.

В мае 1830 г. российский посланник в Париже граф Поццо ди Борго выдал паспорта на въезд в Россию двум парижанам, литератору Жакассу и владельцу недвижимо сти Шену, для розыска бочки с золотыми, серебряными монетами и драгоценностями, зарытой на берегу Берези ны. Революция 1831 г. во Франции сорвала планы кладо искателей. В марте того же года Жакасс передал ди Борго план зарытых сокровищ, оговорив для себя в случае их об наружения половину. Все данные о кладе были переданы во 2-е отделение жандармерии. Чем закончились его поис ки, и производились ли они воооще неизвестно^{xii}.

Приблизительно в это же время на Березине подпол ковник жандармского корпуса Кильчевский и отставной полковник Мацкевич проверяли достоверность сведений сподвижника Наполеона, некого Лаверанта Шарпина, о месте захоронения сокровищ. В сопроводительном пись ме за подписью шефа корпуса жандармов Бенкендорфа говорилось, что Кильчевский послан «для розыска денег и сокровищ, якобы закопанных некоторыми француза ми при переправе через Березину в 1812 году», и предпи сывалось оказывать ему всяческое содействие^{xiii}.

После этого, по свидетельству местного помещика Тышкевича, на переправу неоднократно приезжали ино странцы в сопровождении представителей местной влас ти. В поисках сокровищ они пользовались старинными картами и планами, но обнаружить

что-либо им удавалось редко, так как местность за прошедшие годы сильно изменилась^{xiv}.

Вновь заговорили о наполеоновских сокровищах в Борисовском уезде в середине 90-х годов XIX в., когда житель Борисова Юлиан Рачковский обратился к властям с просьбой разрешить ему поиски клада, состоявшего из золота, награбленного французами. О нем Рачковский узнал от ветерана Великой армии Иоахима, умершего в их доме в 1836 г. По словам Иоахима, в ноябре 1812 г. ему с товарищами удалось захватить повозку с восемью бочонками золотых монет, которые были спрятаны на берегу Березины^{xv}.

Только в 1895 г. Рачковский добился права на проведение поисков клада, но они закончились безрезультатно.

В конце XIX в. крестьянин из Студентки Лука Никифоров утверждал, со слов своего отца, что после ухода французов все семь колодцев в деревне оказались засыпанными. Когда крестьяне разыскали один из них и попытались расчистить, то оказалось, что он был полностью забит ядрами, картечью и другим военным снаряжением, остальные колодцы не нашли, так как они полностью сравнялись с уровнем земли. Эти колодцы приезжали искать какой-то лесник, память о котором сохранили старожилы, оказывавшие ему помощь. Он утверждал, что в одном из колодцев французы спрятали 12 бочонков с золотом^{xvi}.

Член исторического общества «Ревнители памяти Отечественной войны 1812 года» генерал Харкевич неоднократно приезжал в Студенку в конце XIX в., и каждый раз крестьяне предлагали ему купить на память одну-две золотые монеты, которые они называли «эмпльсонами» и оценивали в 15-17 руб. Он же сообщил о большом кладе золотых и серебряных монет, найденном непосредственно в деревне^{xvii}.

Самой же известной находкой в районе переправы был клад между деревнями Большое Стахово и Брили на правом берегу Березины. Именно там проходили ожесточенные бои на подступах к переправе. Спустя годы в этой местности купил участок земли крестьянин Филимонов. Однажды, корчуя лес под пашню, он случайно наткнулся на французскую кирасу, наполненную золотыми монетами. Об этой находке долго говорили по всему уезду^{xviii}.

Следующий этап поисков наполеоновских сокровищ на Березине непосредственно связан с историей последнего офицера Великой армии Жана Батиста Савена. Поступив на воинскую службу в 29 лет, он принял участие в походе наполеоновской армии в Египет, воевал в Испании, а в возрасте 43 лет принял участие в походе на Москву, пережил все ужасы отступления Великой армии до Березины.

Во время переправы Савену поручили охранять повозки с казначейством Главного штаба, насчитывавшим около 4 млн франков. Его повозки попали на мост в числе последних, с арьергардом маршала Виктора. К тому времени охрана переправы была уже снята, и наблюдать за порядком оказалось некому. Так уж получилось, что на мост вместе с повозками казначейства въехало несколько орудий тяжелой артиллерии. Не выдержав огромной тяжести, несколько пролетов моста провалились, и касса рухнула в воду. Савен с трудом выбрался на берег и попал в плен. Вскоре его отправили в Ярославль, а затем в Саратов, где он и остался жить. История жизни Савена была опубликована в 1894 г. и получила широкий резонанс не только в России, но и в Европе^{xix}.

Рассказ Савена об утопленной казне Великой армии в Березине вызвал новую волну интереса к «сокровищам Наполеона». Очевидно, не случайно в 1896 г. по распоряжению Министерства путей сообщения принимается решение о расчистке мелей на Березине, в том числе и на месте переправы^{xx}.

Работы землечерпалки начались в конце лета того же года, когда уровень воды в реке сильно понизился. Через некоторое время по окрестностям поползли самые невероятные слухи о поднимаемых со дна реки сокровищах: золотых и серебряных монетах, ценных предметах, штанах, оружии и даже «костяке французского кирасира в полном вооружении».

Местные власти вынуждены были провести расследование, результатом которого явился рапорт Борисовского уездного исправника минскому губернатору с перечнем находок на месте работы землечерпалки.

Из описи предметов следует, что никаких сокровищ со дна Березины поднято не было, а найденные вещи представляли только музейный интерес. Впрочем, показания

представителя «Кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года» генерала В.И. Харкевича свидетельствуют, что золотая французская печать была продана трактирщику, местный помещик купил пару пистолетов, еще кто-то приобрел шпагу с золотым эфесом и т.д.^{xxi} Да и сами крестьяне небезуспешно обшаривали выгружаемый с шаланд речной ил и песок. Больше всех повезло дочке крестьянина Филончика. Она приволокла домой покрытую грязью цепь. Первоначально на нее никто не обратил внимания, но, когда грязь обсохла и отвалилась, цепь засверкала золотом. Впрочем, в тот же день ее забрал у Филончика в счет долга мельник^{xxii}.

В начале 60-х годов уже нашего столетия на берега Березины в Студенку прибыла новая экспедиция, организованная Государственным краеведческим музеем БССР с целью «поиска снаряжения, вооружения и др. предметов, оставленных отступавшей французской армией Наполеона».

Под этой несколько расплывчатой формулировкой организаторы экспедиции, очевидно, имели в виду поиск затопленных в реке московских трофеев Великой армии. Во всяком случае, хоть их поиск, как явствует из отчета экспедиции, и не ставился ее главной целью, но достаточное явно подразумевался^{xxiii}. Иначе чем можно объяснить размах запланированных поисковых работ, к выполнению которых привлекались саперы с миноискателями, водолазы, земснаряд и школьники для проведения раскопок. Представляется, что результаты работы данной экспедиции должны были окончательно подтвердить или опровергнуть истинность легенды о затоплении в Березине московских трофеев и казны Великой армии.

Наибольшую отдачу дали раскопки французских позиций в окрестностях деревень Студенка, Брили, Костюки, которые велись с первого и до последнего дня экспедиции. Благодаря им, удалось найти 16 пуговиц, 6 монет, латунный жетон с изображением короны в обрамлении знамен и лент, несколько ядер различного калибра. На пяти пуговицах имелись номерные знаки: 3; 4; 25; 37; 56, указывающие на принадлежность к определенным подразделениям Великой армии, на остальных пуговицах имелись изображения одноглавого орла с короной и переkreшенных пушек, одноглавого орла с короной, двух переkreшенных пушек, двух переkreшенных пушек и ядра с подожженным фитилем над ними.

Из найденных монет одна была французская с надписью по окружности, три - прусские достоинством в 1/12 талера 1767, 1768 и 1783 гг. выпуска, две русские монеты времен правления императриц Елизаветы (деньга 1744 г.) и Екатерины II.

Сведения о находках подобного рода на месте переправы появлялись в различных периодических изданиях еще с конца XIX в. Так, председатель комитета по устройству музея Отечественной войны 1812 года полковник В. А. Афанасьев в самой Студенке купил французскую печать с буквами А и И^{xxiv}. Подобными находками комплектовались и экспозиции различных белорусских музеев. В 1909 г. член минского церковного историко-археологического комитета П.И. Шидловская, побывав в Студенке, купила у крестьян французские пуговицы, монеты, шпору и т.д.^{xxv}

Изучение эпизодов сражения при переправе наполеоновских войск через Березину и последующих поисков именно в этом районе кладов ветеранами Великой армии позволяют сделать вывод о том, что, попав в критическое положение, солдаты наполеоновской армии ради спасения жизни вынуждены были жертвовать награбленными в Москве ценностями.

Поиски же московских трофеев и других наполеоновских сокровищ на Березине, несмотря на многочисленные попытки, закончились безрезультатно. Данное обстоятельство ставит под сомнение правдивость многочисленных и, на первый взгляд, правдоподобных историй о возможности нахождения в районе переправы содержимого обоза с московскими трофеями и другими ценностями. Скорее всего, ветераны Великой армии, приезжавшие на Березину для розыска кладов, пытались найти свою личную добычу, запрятанную ими в ноябре 1812 г., а не московские трофеи.

Впрочем, неудача поисков может быть объяснена и тем, что в их основу были положены ошибочные подходы, в первую очередь, это гипертрофированная вера в правдивость свидетельств ветеранов Великой армии, а во вторую - абсолютизация географического фактора. Иначе говоря, поиски велись на основании свидетельств ветеранов Великой армии, которые не подвергались критическому осмыслению, либо в тех водоемах, которые располагались в непосредственной близости от главной дороги

отступления наполеоновских войск. В поисках московских трофеев на Березине неоднократно использо вались каждый из этих подходов по отдельности, либо оба одновременно. Ни в том, ни в другом случаях они не по зволили добиться положительных результатов.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ РГИА Ф. 797. Оп. 1. Д. 4449. Л. 18.

ⁱⁱ Histoire delacampagne de Russie pendant e'appée 1812 et de la captivite des prisonniers fran?ais en Sibirie et dans les autres provinces de e'empire precedes e'un hesome de e'Histoire de Russie par Emile Marco de Saint-Hilaire. Paris, 1834-1836. Т. 2. Р. 200-203.

ⁱⁱⁱ Москва в 1812 году. М., 1910. С. 140.

^{iv} РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1409. Л. 1-3.

^v Доктор Роос. С Наполеоном в Россию: Воспоминания врача о походе 1812 года. СПб., 1832. С. 153.

^{vi} *Tyszkewicz E.* Opisanie powiatu Borisowskiego. Wilno, 1847. S. 97-98.

^{vii} Альбовский Е. Клады по берегам реки Березины // Исторический вестник. 1898. Ч. 2. С. 618.

^{viii} РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 91. Л. 1-5.

^{ix} Харкевич В.И. Поездка в Студенку // Исторический вестник. 1897. Ч. 4-6. С. 178.

^x Башкина Н. Где спрятана «московская добыча»? // Неделя. 1967. № 2.

^{xi} ЦГАОР. Ф. 109. 2-я экспедиция 1828 г. Оп. 58. Д. 326. Л. 71-79.

^{xii} Башкина Н. Указ. соч

^{xiii} Там же.

^{xiv} *Tyszkewicz E.* Op. cit. S. 99-100.

^{xv} НИАРБФ. 295. Оп. 1. Д. 6151. Л. 3.

^{xvi} Альбовский Е. Указ. соч. С. 613.

^{xvii} Харкевич В.И. Указ. соч. С. 178.

^{xviii} Альбовский Е. Указ. соч. С. 619-620.

^{xix} Военский К. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М., 1912. С. 198.

^{xx} НИАРБФ. 295. Оп. 1. Д. 6151. Л. 12-26.

^{xxi} Харкевич В.И. Указ. соч. С. 179.

^{xxii} Мазинг Г. Где искать сокровища Наполеона? // Сов. культура. 1984. 11 февр.

^{xxiii} Архив Национального музея истории и культуры Беларуси. Материалы научной экспедиции в Борисовский район. Л. 1-26.

^{xxiv} Походная церковь Александра I // Русское слово. 1910. № 115.

^{xxv} Минская старина. Минск, 1911. Вып. 2. С. 2381.